

**ФРАНС
ДЕ
ВААЛЬ**

**ИСТОКИ
МОРАЛИ**

В ПОИСКАХ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
У ПРИМАТОВ

Династия

На протяжении многих лет всемирно известный биолог Франс де Вааль изучал жизнь шимпанзе и обезьян бонобо. В процессе исследований он выявил явные зачатки этического поведения в сообществе приматов. По мнению автора, мораль – не сугубо человеческое свойство, и ее истоки нужно искать у животных. Эмпатия и другие проявления своего рода нравственности присущи и обезьянам, и собакам, и слонам, и даже рептилиям. Помимо увлекательного рассказа об этических формах поведения в мире приматов автор поднимает глубокие философские вопросы, связанные с наукой и религией. Как и когда возникла мораль? Какое влияние оказала религия на формирование этики? Что происходит с обществом, где роль религии снижается, и прав ли герой Достоевского Иван Карамазов, говоря: «Если Бога нет, я имею право грабить ближнего своего»?

- [Франс де Вааль](#)

-
-
- [Глава 1](#)
 -
 - [Черепашка далай-ламы](#)
 - [Мамино приветствие](#)
 - [Атеистическая дилемма](#)
- [Глава 2](#)
 -
- [Конец ознакомительного фрагмента.](#)

- [notes](#)

- [Сноски](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
- [Комментарии](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Франс де Вааль

Истоки морали. В поисках человеческого у приматов

Научный редактор *Елена Наймарк*

Редактор *Анна Яковлева*

Руководитель проекта *И. Серёгина*

Корректор *Е. Аксенова, М. Миловидова*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Дизайнер обложки *О. Сидоренко*

В книге использованы фотографии и рисунки автора

Фото на обложке *Marian Brickner*

© Frans de Waal, 2013

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2014

Издание подготовлено при поддержке Фонда Дмитрия Зимина «Династия»

Фонд некоммерческих программ «Династия» основан в 2002 году Дмитрием Борисовичем Зиминим, почетным президентом компании «Вымпелком». Приоритетные направления деятельности Фонда – поддержка фундаментальной науки и образования в России, популяризация науки и просвещение. «Библиотека Фонда «Династия» – проект Фонда по изданию современных научно-популярных книг, отобранных экспертами-учеными. Книга, которую вы держите в руках, выпущена под эгидой этого проекта. Более подробную информацию о Фонде «Династия» вы найдете по адресу www.dynastyfdn.ru.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Катерине, моему самому любимому примату

Глава 1

Земные наслаждения

Разве человек только промах Бога? Или Бог только промах человека?

Фридрих Ницше

Я родился в Ден Босе^[1] – голландском городе, по названию которого выбрал себе псевдоним Иероним Босх. Это, конечно, не означает, что я глубоко разбираюсь в творчестве художника, но значение имеет то, что вырос в городе, где на рыночной площади красовалась его статуя, и поневоле проникся игрой сюрреалистического воображения мастера и его символизмом, научился видеть его глазами место человека во Вселенной, все больше удаляющейся от Господа.

Знаменитый триптих Босха «Сад земных наслаждений», где весело резвятся обнаженные фигуры, – дань райской невинности. Его средняя часть представляет картину слишком счастливую и безмятежную, чтобы ее интерпретировать подобно некоторым экспертам-исследователям, как изображение разврата и греха. Человечество здесь свободно от вины и стыда – либо дело происходит еще до грехопадения, либо никакого грехопадения вообще не было. Мне как приматологу нагота, аллюзии на секс и плодородие, изобилие птиц и плодов, как и постоянная суета небольших групп, очень хорошо знакомы и едва ли нуждаются в каком-то религиозном или моральном толковании. Похоже, в средней части триптиха Босх изобразил нас в нашем естественном состоянии, а морализаторство приберег для третьей его части, расположенной справа, – при этом наказывает он *не тех*, кто резвится на центральной картине, а монахов с монахинями, обжор, мошенников, забияк и пьяниц. Босх не был поклонником духовенства с его корыстолюбием, что ясно видно из эпизода, где человек отказывается отписывать свое состояние свинье, наряженной в рясу доминиканской монахини. Говорят, что этот бедняк – сам живописец.

Сегодня, пять столетий спустя после Босха, мы по-прежнему горячо спорим о том, какое место занимает в обществе религия. И, как во времена великого живописца, центральной темой спора остается мораль. Можем ли мы представить себе мир без Бога? Хорош ли будет такой мир? Не стоит даже на минутку предполагать, что сегодняшняя линия фронта между христианским фундаментализмом и наукой определяется объективными факторами. Нужно быть весьма устойчивым к объективным доказательствам, чтобы сомневаться в эволюции, поэтому книги и документальные фильмы, адресованные скептикам, – напрасная трата времени. Они полезны лишь тем, кто готов прислушаться к аргументам, но целевой аудитории просто не достигают. Предмет споров не столько истина как таковая, сколько то, что с этой истиной делать. Для тех, кто верит, что мораль исходит непосредственно от Бога-творца, принятие эволюции означает падение в бездну аморальности. Посмотрите, какие аргументы употребляет преподобный Эл Шарптон в споре с недавно умершим горячим защитником атеизма Кристофером Хитченсом (Christopher Hitchens)^[1]: «Если во Вселенной нет порядка, а значит, нет некоего существа, некой силы, которая ее упорядочила, то кто определит, что такое хорошо и что такое плохо? Без предписаний и обязательств нет и

безнравственности». Точно так же мне не раз приходилось слышать аргументы в стиле Ивана Карамазова из романа Достоевского: «Если Бога нет, я имею право грабить ближнего своего!»^[2]

В нижнем правом углу «Сада» Босх изобразил самого себя, пытающимся уйти от внимания свиньи, наряженной монахиней, которая соблазняет его поцелуями. Она предлагает спасение в обмен на завещание имущества (отсюда перо, чернильница и официального вида бумага). «Сад земных наслаждений» написан около 1504 г., примерно за 10 лет до того, как Мартин Лютер инициировал протест общества против подобной церковной практики

Возможно, это только мое мнение, но мне лично человек, которому мешает бесчинствовать только вера, поневоле внушает опасения. Почему бы не предположить, что человеческие качества, включая и самоконтроль, необходимый для жизни в обществе, присущи нам изначально, «встроены» в нас? Неужели кто-то всерьез верит, что наши предки до возникновения религии не придерживались никаких социальных норм? Что они никогда не помогали братьям в беде и не сетовали на недобросовестность других людей? Несомненно, человек заботился о жизнеспособности своей общины задолго до появления современных религий, зародившихся всего лишь пару тысячелетий назад^[3]. Подобный временной масштаб не производит сильного впечатления на биологов.

Черепаша далай-ламы

То, что написано выше, стало началом блога на сайте *The New York Times*, озаглавленного «Мораль без Бога?»; в возникшей дискуссии я высказал убеждение в том, что мораль возникла раньше религии и что наблюдения за нашими собратьями-приматами могут многое рассказать о ее происхождении. Вопреки распространенному взгляду на природу как на пространство звериной жестокости и арену кровавых пиршеств, исследователи утверждают, что животные не лишены качеств, достойных нашего морального одобрения; лично меня это наталкивает на мысль о том, что мораль – вовсе не изобретение человечества, как нам нравится думать.

Поскольку это утверждение является темой настоящей книги, позвольте мне немного порассуждать, описав неделю, последовавшую за моей публикацией в блоге и включавшую поездку в Европу. Как раз перед этим я участвовал в дискуссии на тему «Наука и религия» в Университете Эмори в Атланте, где я работаю. Поводом для нее стало общение с далай-ламой по его любимой проблеме: сострадание. Мне представляется, что сострадание – прекрасная сторона всего живого, поэтому я искренне обрадовался теме, предложенной нашим почтенным гостем. Как первого участника дискуссии, меня усадили рядом с ним в окружении целого моря красных и желтых хризантем. Я был заранее проинструктирован, что к гостю следует обращаться «ваше святейшество», а в разговоре с другими говорить о нем как о «его святейшестве»; мне стало ясно, что непременно запутаюсь, и было принято решение вообще избегать всяких обращений. Войдя в зал, один из самых уважаемых людей на планете снял туфли, уселся в кресло, подогнув ноги, и надел на голову громадную бейсболку в тон своему оранжевому одеянию. Три с лишним тысячи человек в зале ловили каждое его слово. Организаторы заранее охладили мой пыл и предупредили, что аудитория тут присутствует не для того, чтобы послушать *мое* выступление: всех этих людей интересуют лишь жемчужины *его* мудрости.

Я в двух словах рассказал о последних полученных данных, касающихся альтруизма у животных. К примеру, приматы добровольно открывают дверь, обеспечивающую собратам доступ к пище, хотя сами лишаются при этом части запасов. Обезьяны капуцины готовы добиваться благ для других; в этом несложно убедиться, если посадить двух обезьян рядом и устроить с одной из них обмен разноцветными фишками. Фишки одного цвета приносят вознаграждение только обезьяне – участнице «торгов», фишки другого цвета – обеим обезьянам. Очень скоро обезьяны начинают выказывать явное предпочтение «общественным» фишкам, дарующим поощрение обеим. И причина такого поведения – не страх, поскольку именно доминантные обезьяны (которым опасаться нечего), как правило, проявляют наибольшую щедрость.

Добрые поступки совершаются и спонтанно, без участия экспериментаторов. Так, старая самка Пеони живет вместе с другими шимпанзе в открытом вольере полевой станции Центра по изучению приматов имени Йеркса. Бывают дни, когда особенно беспокоит артрит, Пеони трудно ходить и взбираться на высоту, тогда другие самки всегда готовы помочь ей. Пыхтя и отдуваясь, старушка медленно взбирается на помост, где на сеанс груминга уже собралось несколько обезьян. При этом какая-нибудь самка помоложе (не родственница) терпеливо лезет вслед за ней, с силой подталкивая ее руками под объемистый зад передними конечностями вверх, пока Пеони наконец не присоединится к остальным.

Нам случалось также наблюдать, как Пеони с трудом поднимается и медленно ковтыляет к крану с водой, расположенному довольно далеко. Иногда более молодые самки обгоняют ее, набирают в рот воду, а затем возвращаются и поят старушку. Поначалу мы не догадывались о том, что происходит; мы видели лишь, что другая самка приближает свой рот ко рту Пеони. Однако через какое-то время все стало ясно: Пеони с готовностью открывала рот пошире, а более молодая самка переливала ей прямо туда струю воды.

Подобные наблюдения дополняют фактами научную область, которая занимается изучением эмпатии у животных. В сферу ее интересов входят не только приматы, но и собаки, слоны и даже грызуны. Типичный пример такой эмпатии – то, как шимпанзе утешают расстроенных товарищей объятиями и поцелуями; это настолько предсказуемо, что нам удалось документально зафиксировать буквально тысячи таких случаев. Млекопитающие вообще чувствительны к эмоциям друг друга и всегда реагируют на тех сородичей, кто нуждается в поддержке. Именно поэтому человек так часто приводит в свой дом пушистых плотоядных, а не, скажем, игуан или черепах; млекопитающие могут предложить хозяину то, что не в состоянии дать ни одна рептилия. Они дарят привязанность и нуждаются в ответных чувствах, они отзываются на наше настроение так же, как мы отзываемся на их эмоции.

До этого момента далай-лама слушал меня внимательно, но тут он приподнял свою бейсболку в знак того, что желает задать вопрос. Он хотел побольше услышать о черепахах. Эти животные для него важнее других, потому что именно на их спинах вроде бы держится земная твердь. Духовный лидер буддистов спрашивал, знакома ли черепахам, как и млекопитающим, эмпатия. Он описал, как самка морской черепахи выходит на берег в поисках подходящего места для откладывания яиц, демонстрируя таким образом заботу о будущем потомстве. Как повела бы себя мать, спрашивал далай-лама, если бы ей довелось когда-нибудь встретиться с одним из своих отпрысков? Для меня, однако, подобное поведение говорит скорее о заложенной в черепахах наследственной программе поиска наилучшей среды для выведения потомства. Черепаха роет ямку в песке выше линии прилива, откладывает в нее яйца и закрывает их, уплотняя песок сверху мощными задними лапами-ластами; после этого она покидает место кладки. Когда маленькие черепашки несколько месяцев спустя вылупляются из яиц, их ждет опаснейший бросок к воде; как правило, происходит это ночью при свете луны. Черепашки никогда не познакомятся со своей матерью.

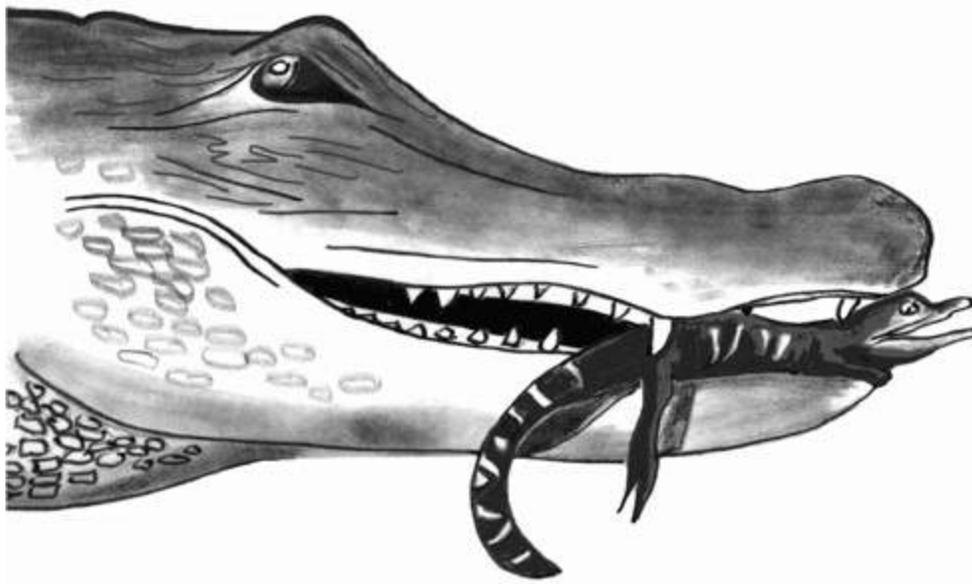
Эмпатия требует внимания к другим и восприимчивости к их нуждам. Начало она берет, вероятно, от родительской заботы о потомстве, наблюдаемой, к примеру, у млекопитающих, но имеются свидетельства и птичьей эмпатии. Однажды я был на Исследовательской станции имени Конрада Лоренца в Грюнау (Австрия), где в больших вольерах содержат воронов. Это весьма внушительные птицы, особенно когда сидят у вас на плече, поворачивая мощный черный клюв близко-близко к вашей щеке! Мне тогда вспомнились ручные галки, которых я держал дома в студенческие времена, – куда более мелкие птицы из того же семейства врановых. В Грюнау ученые отслеживают спонтанно возникающие схватки воронов; случалось им наблюдать и реакцию остальных птиц на эти драки. Так вот, проигравший вполне может рассчитывать на ободряющую чистку перьев или дружеское касание клювом со стороны сочувствующих наблюдателей. Там же, на станции, вольных потомков лоренцевых гусей снабжают датчиками, чтобы иметь возможность постоянного мониторинга частоты их сердечных сокращений. У каждого взрослого гуся есть пара – а

значит, есть и объект для проявления эмпатии. Если одна из птиц вступает в схватку с кем-то третьим, сердце ее партнера или партнерши начинает частить. Даже если сам партнер никак в схватке не участвует, его сердце выдает тревогу за исход сражения. Оказывается, птицы тоже чувствуют боль близкого существа.

Если и птицы, и млекопитающие обладают определенной мерой эмпатии, то эта способность, вероятно, восходит к общим предкам тех и других – пресмыкающимся. Но не ко всем пресмыкающимся, поскольку большинство из них совершенно не заботится о потомстве. Одним из вернейших признаков наличия заботливого отношения, по мнению американского нейробиолога Пола Маклина (Paul MacLean), назвавшего лимбическую систему центром эмоций, является обиженный крик потерявшегося детеныша. Юные обезьяны, к примеру, делают это постоянно: отстав от матери, они кричат до тех пор, пока она не вернется. При этом детеныш выглядит ужасно несчастным; он сидит на ветке в полном одиночестве и, надув губы, издает жалобные призывы: «Ку-у!», ни к кому персонально не обращаясь. Маклин отмечает отсутствие подобной формы призыва у большинства пресмыкающихся, в том числе змей, ящериц и черепах.

Однако детеныши некоторых рептилий все же зовут родителей, когда расстроены или находятся в опасности, и тогда мама должна обязательно появиться и позаботиться о несчастном малыше. Случалось ли вам держать в руках новорожденного аллигатора? Будьте осторожны, зубы у них уже в полном порядке; кроме того, в опасной ситуации они издадут что-то вроде гортанного лая, услышав который самка (мать) может пулей вылететь из воды. Это научит вас уважать родительские чувства рептилий!

Я рассказал об этом далай-ламе и уточнил, что проявлений эмпатии можно ждать лишь от животных, способных к привязанности, и что мало кто из пресмыкающихся удовлетворяет этому критерию. Я не уверен, что мои слова ему понравились, потому что он-то, конечно, хотел узнать о черепахах, которые, как кажется на первый взгляд, куда привлекательнее свирепых зубастых монстров из семейства крокодиловых. Однако внешность обманчива. Так, некоторые члены этого семейства очень аккуратно переносят маленьких крокодильчиков в своих громадных зубастых челюстях или на спинах и защищают их от опасности. Иногда они даже позволяют малышам выхватывать у себя изо рта кусочки мяса. Динозавры, кстати, тоже заботились о потомстве, а плезиозавры – гигантские морские рептилии – возможно, даже были живородящими и производили на свет прямо в воде по одному живому детенышу, как это сегодня делают киты. По всем имеющимся данным, чем меньше отпрысков производит на свет животное, тем лучше оно о них заботится. Именно поэтому ученые считают, что плезиозавры были заботливыми родителями. То же, между прочим, можно сказать и о птицах, которых наука рассматривает как оперившихся динозавров.

Мало кто из пресмыкающихся проявляет заботу о потомстве, но в семействе крокодиловых это заведено. Самка аллигатора аккуратно переносит одного из своих детенышей

Пытаясь все же добиться от меня желаемого ответа, далай-лама перешел к бабочкам и спросил, есть ли у них эмпатия. Я не удержался от шутки, сказав: «У них нет на это времени, они живут всего один день!» На самом деле короткая жизнь бабочек – всего лишь миф, но, как бы эти насекомые ни относились друг к другу, я сомневаюсь, что в их отношениях присутствует эмпатия. При этом я не хочу дезавуировать главное, что стояло за вопросом далай-ламы: все животные делают то, что лучше для них самих и их отпрысков. В этом смысле любое живое существо заботится о потомстве – возможно, неосознанно, но тем не менее заботится. Высокий гость хотел сказать, что в основе всякой жизни лежит сострадание.

Мамино приветствие

После этого дискуссия переключилась на другие темы – к примеру, как измерить силу сострадания в мозгу буддистских монахов, медитировавших на эту тему всю свою жизнь. Ричард Дэвидсон (Richard Davidson) из Университета Висконсина рассказал о том, что тибетские монахи отказались от нейробиологического исследования, поскольку сострадание, ясное дело, локализовано не в мозгу, а в сердце! Все решили, что это очень смешно, и даже монахи в аудитории громко смеялись. Но те первые монахи оказались правы. Чуть позже Дэвидсон обнаружил связь между сердцем и сознанием: медитация о сострадании заставляет сердце биться чаще при звуках человеческих страданий.

Я, естественно, вспомнил и о гусях. А еще я не мог не удивиться при виде столь многообещающего созвучия мыслей. В 2005 г. сам далай-лама говорил о необходимости интеграции науки и религии. Выступая перед тысячами ученых в Вашингтоне на ежегодном съезде Общества нейробиологов, он подчеркивал, как сложно обществу угнаться за эпохальными научными открытиями: «Совершенно очевидно, что человеческая мысль в области морали и этики попросту не поспевает за стремительным прогрессом в накоплении знаний и возрастании могущества человечества». Согласитесь, свежая мысль на фоне многочисленных попыток вогнать клин между религией и наукой!

Я размышлял на эту тему все время, пока готовился к поездке в Европу. Кажется, только-только я получил благословение и *хата*^[4] на шею и проводил далай-ламу, уехавшего в лимузине с вооруженными до зубов охранниками, как оказался уже в самолете на Гент, красивый старинный город во фламандской части Бельгии. В культурном отношении этот регион ближе к южной части Нидерландов, откуда я родом, чем к их северной части, которую мы зовем Голландией. Все мы говорим на одном языке, но Голландия – оплот кальвинистов, тогда как южные провинции в XVI в. остались католическими благодаря испанцам, которым мы обязаны появлением герцога Альбы и инквизиции. И не глупой пародии вроде той, что фигурировала в скетчах комик-группы «Монти Пайтон» с фразой «Никто не ждет испанскую инквизицию!»^[5], а настоящей инквизиции, которая, стоило человеку всего лишь усомниться в непорочности Девы Марии, готова была немедленно давить пальцы несчастного в тисках. Инквизиторы, не имевшие права проливать кровь, предпочитали *strappado*, или дыбу, и подвешивали жертву на связанных за спиной руках, привязав к ногам дополнительный груз. Такое обращение заставляет человека очень быстро забыть все, что он знал раньше, и отказаться от прежних представлений о связи между сексом и зачатием. В последнее время Ватикан прилагает немалые усилия, пытаясь смягчить образ Святейшей инквизиции, – они же, мол, убивали *не всех* еретиков и строго следовали при этом служебным инструкциям, – но при этом очевидно, что заправлявшим там иезуитам не помешало бы пройти курс сострадания.

Кстати говоря, такая древняя история объясняет и тот факт, что в этих местах искать картины Босха – занятие малопродуктивное. Большая их часть находится в музее Прадо в Мадриде. По мнению историков, Железный герцог получил «Сад земных наслаждений» в 1568 г., когда объявил принца Оранского вне закона и конфисковал все его имущество. После герцога триптих унаследовал его сын, от которого этот шедевр перешел в собственность Испании. Испанцы обожают этого художника, именуя его Эль Боско, его произведения вдохновляли Жоана Миро и Сальвадора Дали. Во время своего первого визита в музей Прадо

я так и не смог по-настоящему насладиться работами Босха, потому что в голове стучала одна-единственная мысль: «Все это колониальные трофеи!» К чести музея нужно сказать, что сейчас эта картина оцифрована в невероятно высоком разрешении, и каждый без труда может рассмотреть ее через Google Earth.

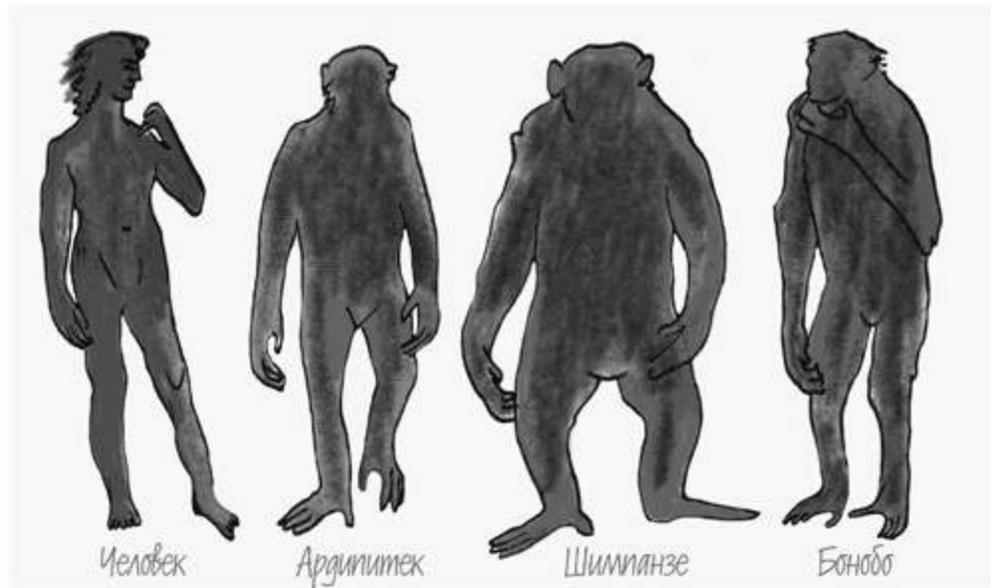
После прочитанной в Генте лекции коллеги устроили мне импровизированную экскурсию к старейшей среди мировых зоопарков колонии бонобо^[6], основанной в зоопарке Антверпена, а сейчас живущей в парке животных Планкендаль. С учетом того, что на воле бонобо обитают в Конго – бывшей бельгийской колонии, их присутствие в Планкендале едва ли удивительно. Животные из Африки, живые и мертвые, тоже представляли собой своего рода колониальные трофеи, но, если бы их не привозили в Бельгию, мы, возможно, так никогда бы и не узнали об этих редких человекообразных обезьянах. Открытие бонобо произошло в 1929 г. в музее неподалеку отсюда, где один немецкий анатом как-то раз смахнул пыль с небольшого округлого черепа, подписанного как череп детеныша шимпанзе; натуралист, однако, узнал в нем череп взрослого животного с необычно маленькой головой и объявил об обнаружении нового подвида. Но вскоре его заметку затмило еще более серьезное заявление одного американского анатома: тот объявил, что перед нами совершенно новый вид, анатомически поразительно похожий на человека. Бонобо отличаются более хрупким телосложением и более длинными задними конечностями, чем все остальные человекообразные обезьяны. Новый вид был отнесен к тому же роду *Pan*, что и шимпанзе. В дальнейшем оба упомянутых ученых наглядно иллюстрировали силу академического соперничества: до конца своих долгих дней спорили о том, кто из них двоих совершил историческое открытие. Я сам видел однажды, как на симпозиуме, посвященном бонобо, американец вдруг встал и дрожащим от гнева голосом объявил о том, что полвека назад его открытие «присвоили».

Но немец писал по-немецки, а американец по-английски – догадайтесь, кого из них чаще цитируют. Многие считают, что широкое распространение английского привело к дискриминации их родного языка, но я с удовольствием болтал по-голландски. Несмотря на десятки прожитых за рубежом лет, именно голландский и сегодня первым просится на язык.

Молодой бонобо раскачивался на веревке, то появляясь в поле зрения, то вновь исчезая, и не забывая всякий раз привлечь внимание людей ударом по разделявшему нас стеклу. Мы же говорили о том, как сильно его смех напоминает человеческий. Он откровенно развлекался, особенно ему нравилось, когда мы, изображая испуг, шарахались от окна. Сегодня невозможно себе представить, что когда-то ученые путали два вида шимпанзе. Есть известная фотография, на которой запечатлен американский специалист по человекообразным обезьянам Роберт Йеркс и на коленях у него две молодые обезьяны; обе они, по его мнению, были шимпанзе, потому что о бонобо тогда еще никто не знал. Йеркс, надо заметить, рассказывал о том, что одна из двух обезьян была гораздо более чуткой и способной к эмпатии, чем любой другой примат, которого ему доводилось встречать, – а может быть, и более умной. Ученый называл того самца «антропоидным гением»; в книге «Почти человек» (*Almost Human*) он писал в значительной мере именно об этом «шимпанзе», не зная при этом, что имеет дело с одним из первых живых бонобо, попавших на Запад.

Разница между планкендальской колонией и колонией шимпанзе видна с первого взгляда, потому что возглавляет колонию самка. Биолог Джероен Стивенс рассказал мне, что атмосфера в группе заметно потеплела после того, как прежнюю альфа-самку (настоящую «железную леди») отослали в другой зоопарк. При той большинство остальных бонобо,

особенно самцы, жили в постоянном страхе. У новой альфы характер намного мягче. Вообще, обмен зоопарков самками – новая позитивная тенденция, соответствующая традиционному поведению бонобо в природе. Там сыновья, взрослея, продолжают жить вместе с матерями, а дочери мигрируют в другие места. Много лет зоопарки передавали друг другу самцов, вызывая тем самым одну катастрофу за другой. Дело в том, что без матери самцы бонобо нередко подвергаются травле со стороны собратьев, и беднягу, прибывшего в чужую колонию, часто приходилось попросту изолировать где-нибудь в дальнем углу, подальше от глаз посетителей, иначе дело для него могло кончиться плохо. Оставляя самцов с матерями и уважая их тесные узы, можно избежать множества проблем.

Переход к прямохождению в ходе эволюции человеческой линии требовал удлинения задних конечностей. Из всех человекообразных обезьян именно бонобо по соотношению длины передних и задних конечностей ближе всего к нашему предку ардипитеку (рисунок сделан без соблюдения масштаба: на самом деле современный человек выше остальных)

Из сказанного ясно, что бонобо – вовсе не ангелы. Но также очевидно, что самцы у них в очень значительной степени «маменькины сынки», а это не всем нравится. Некоторых мужчин оскорбляет существование обезьян, у которых царит матриархат, а все самцы без исключения – рохли и слюнтяи. После одной лекции в Германии знаменитый старый профессор, слушавший среди прочих мое выступление, буквально рявкнул, путая немецкие и английские слова: «Вас ис дас не так с этими самцами?!» Бонобо, можно сказать, не повезло: этот вид ворвался на научную сцену в тот момент, когда и антропологи, и биологи куда больше внимания обращали на жестокость и насилие в животном мире, чем на каких-то неожиданно мирных родичей-приматов. Никто не знал, что с ними делать, и бонобо быстро заняли в литературе, посвященной эволюции человека, место белой вороны. Один американский антрополог дошел до того, что предложил попросту игнорировать их, поскольку этот вид все равно скоро вымрет^[2].

Невиданное дело: поставить виду в вину близкое вымирание! Неужели с бонобо и правда что-то не в порядке? Может быть, они плохо адаптированы к среде? Но вымирание никак не связано с первоначальной приспособленностью вида. К примеру, додо на острове Маврикий прекрасно себя чувствовали, пока там не появились матросы, которым эти крупные нелетающие птицы показались пусть и скверной, но весьма доступной едой. Можно

с уверенностью сказать, что все наши предки в какой-то момент были замечательно адаптированы, хотя до сегодняшнего дня не дожил ни один из них. Так что же, может быть, нам незачем их изучать? Но мы изучаем, и очень тщательно. Средства массовой информации сходят с ума всякий раз, когда ученым удается обнаружить хотя бы крошечную частичку нашего прошлого. Ископаемые получают имена собственные – вспомните Люси или Арди, – и это дополнительно подогревает общественный интерес к находкам.

Мне же бонобо интересны в первую очередь именно потому, что контраст между ними и шимпанзе безмерно обогащает наши представления об эволюции человека. Бонобо показывают, что длинный ряд наших предков отмечен не только мужским доминированием и ксенофобией, но и приверженностью к гармонии и вниманием к ближнему. Эволюция двигает и мужское, и женское, и не стоит измерять прогресс человечества исключительно количеством сражений, выигранных нашими самцами у других гоминин^[3]. Внимание к женской стороне истории не принесет вреда, как и внимание к сексу. Насколько мы сегодня можем судить, человек не победил другие группы гоминин в сражениях и не завоевал их, а, скорее, вытеснил, вызвал естественное вымирание, и средством к тому стала не война, а любовь. Современный человек несет в себе неандертальские гены, и я не буду слишком удивлен, если окажется, что не только неандертальские, но и других гоминидных сородичей. С этой точки зрения образ жизни бонобо не кажется таким уж экстравагантным.

Оставив на время этих кротких человекообразных обезьян, следующую остановку я сделал в зоопарке Арнема (Нидерланды), где когда-то начинал свою карьеру, изучая других представителей Рап. Тому знаменитому немецкому профессору наверняка понравились бы шимпанзе, потому что самцы у них обладают непререкаемой властью и ведут непрерывную борьбу за положение в стае. Впечатление было таким сильным, что я написал целую книгу «Политика у шимпанзе» (*Chimpanzee Politics*) об их интригах и происках. Еще студентом я, пытаясь проникнуть в суть вещей, о которых молчат учебники биологии, начал читать Никколо Макиавелли. Один из главных героев-самцов того бурного периода, отстоящего от нас уже на четыре десятка лет, был убит своими сородичами еще во время моей работы в зоопарке. Надо сказать, что воспоминания об этом событии и сегодня преследует меня – не в последнюю очередь из-за связанной с ним жуткой подробности: напавшие на самца собратья оторвали ему половые органы. Другие самцы – участники той давней истории – уже умерли от старости, но в колонии и сегодня обитают их взрослые сыновья, которые не только внешне, но и голосом, когда кричат или режут, сильно напоминают отцов. Да, голоса шимпанзе легко различимы: только по крикам и улюлюканью я мог определить любого из 25 тамошних обитателей. Я прекрасно себя чувствую в обществе этих приматов и считаю их исследование увлекательнейшим в мире занятием, но не обманываюсь на их счет, не питаю иллюзий и не считаю шимпанзе «милыми созданиями», даже если большинству людей они кажутся таковыми. Они воспринимают борьбу за власть в стае очень серьезно и готовы убивать соперников. Известно, что иногда шимпанзе убивали людей или, скажем, раздирали их лица; такие случаи бывали в США с «ручными», домашними обезьянами. Ничего удивительного в этом нет: если вы держите дикое животное в доме, вы всегда рискуете тем, что присутствие человека – представителя куда более слабого вида, чем шимпанзе, – станет для него поводом к сексуальной ревности или препятствием на пути к доминированию. Любой самец шимпанзе настолько силен физически (даже если не брать в расчет острейшие собачьи клыки и четверорукость), что даже пятеро дюжих мужчин вряд ли смогут удержать его. Шимпанзе, выросшие среди людей, слишком хорошо это знают.

Надо сказать, что самки, которых я знал в Арнеме, до сих пор живы, в том числе и внушительная дама-хранительница колонии по имени Мама. Она никогда не была похожа на матриархов бонобо, имеющих в колонии вполне реальную власть, но все время, пока я общался с тамошними шимпанзе, среди самок прочно занимала верховную позицию. В период своего расцвета Мама принимала активное участие и в политических играх самцов – обеспечивала поддержку одному из претендентов, который в случае успеха у самок и обретения власти оказывался у нее в долгу. Такому самцу лучше было поддерживать с Мамой хорошие отношения, в противном случае – если бы Мама вдруг невзлюбила его – его «политическая карьера» могла бесславно закончиться. Доходило до того, что Мама наказывала самок, осмелившихся встать на сторону тех самцов, которые не пользовались ее благосклонностью. По существу, она играла роль авторитетного деятеля парламентской партии. У шимпанзе самцы физически доминируют над самками, но это не означает, что самки ничего не смыслят в отношениях в стае или находятся вне их. Вообще, в диких сообществах самки, как правило, держатся в стороне от борьбы за влияние, но на острове в Арнеме все по-другому. Там разница между влиятельностью самок и самцов заметно меньше. Поскольку все самки постоянно присутствуют на месте событий и активно поддерживают друг дружку, ни один самец не в состоянии преодолеть их общее сопротивление.

У меня всегда были прекрасные отношения с Мамой. При встрече она всякий раз тепло и уважительно приветствует меня. Началось это еще в прежние времена, но и сегодня она так же радостно находит мою физиономию в толпе посетителей зоопарка. Все это время, раз в два года, я посещал зоопарк и иногда даже устраивал с ней сеанс дружеского груминга, но на этот раз я привел с собой чуть ли не сотню человек – участников симпозиума, проходившего в конференц-центре зоопарка. Когда мы подошли к обезьяньему острову, и Мама, и другая старая самка Джимми поспешили мне навстречу. Они приветствовали меня низким урчанием, и Мама издали протянула мне навстречу руку. Самки часто используют такой жест «иди сюда», когда собираются куда-то двинуться и хотят, чтобы отпрыск побыстрее запрыгнул к ним на спину. Я ответил ей тем же жестом, а чуть позже принял участие в кормлении шимпанзе – брал фрукты и бросал их на ту сторону рва, следя за тем, чтобы обязательно досталось и Маме, – а передвигается она медленно и уже не так ловко, как другие, ловит апельсины на лету.

Мы подали другим шимпанзе повод для ревности, и результаты не заставили себя долго ждать. Взрослая дочь Мамы по имени Моник подкралась к нам и с расстояния примерно метров двенадцать швырнула тяжелым камнем. Надо сказать, что метко брошенный камень угодил бы мне прямо в голову, если бы я заранее не приглядывал за дочуркой моей приятельницы. Я перехватил камень на лету. Моник родилась, когда я еще работал в зоопарке, и я не раз замечал, что она не выносит, когда Мама на меня отвлекается. Она, вероятно, меня не помнит, а потому понятия не имеет, почему мать приветствует этого чужака как старого друга. Лучше, пожалуй, кинуть в него чем-нибудь! Некоторые ученые считают, что бросание в цель – чисто человеческая способность, которая связана с развитием языка, поэтому я предложил сторонникам этой теории воочию убедиться, на что способны в этом отношении шимпанзе. Желаящих не нашлось. Возможно, дело в том, что каждый из присутствующих понимал: камни в любой момент могут смениться пахучими телесными отправлениями.

Участники симпозиума, тронутые нашей радостной встречей с Мамой,

заинтересовались тем, насколько хорошо шимпанзе узнают нас, а мы – их. Лично я различаю морды человекообразных обезьян несколько не хуже, чем человеческие лица, хотя, конечно, каждый вид лучше опознает сородичей. Еще совсем недавно ученые относились к этому предвзято; считалось, что только человек хорошо распознает лица. Человекообразные обезьяны справлялись с задачей гораздо хуже, хотя испытывали их на тех же тестах, с теми же стимулами – а значит, человекообразных обезьян испытывали на распознавание *человеческих* лиц! Я называю такой подход к изучению приматов антропоцентрическим искажением, он породил множество заблуждений. Когда моя коллега в Атланте Лайза Парр, воспользовавшись бесчисленными фотографиями шимпанзе, сделанными мною в Арнеме, исследовала, как шимпанзе узнают лица своего вида, то оказалось, что они отлично справляются. Разглядывая на экране компьютера портреты сородичей, испытываемые определяли даже, кто из молодых шимпанзе является отпрыском той или иной самки – и при этом никто из них не был лично знаком с шимпанзе на фотографиях! Точно так же мы с вами, листая семейный фотоальбом, отмечаем признаки кровного родства на незнакомых лицах.

Мы живем в период, когда наше родство с человекообразными обезьянами находит все большее понимание и все серьезнее принимается обществом. Правда, человечество не устает выискивать различия между нами и утверждать собственное превосходство, но немногие из заявленных отличий остаются в силе больше 10 лет. Если объективно, не увлекаясь техническими достижениями нескольких последних тысячелетий, взглянуть на собственный биологический вид, то мы увидим существо из плоти и крови с мозгом, который, хотя и превосходит мозг шимпанзе втрое, не содержит никаких новых частей. Даже размер хваленой префронтальной коры головного мозга оказывается достаточно типичным для приматов. Никто не сомневается в превосходстве человеческого интеллекта, но у нас нет никаких основополагающих желаний или потребностей, которых не нашлось бы у наших ближайших родичей. Обезьяны, в точности как люди, стремятся к власти, наслаждаются сексом, жаждут безопасности и симпатии, убивают за землю, ценят доверие и сотрудничество. Да, у нас есть компьютеры и самолеты, но психологически мы по-прежнему устроены так же, как общественные приматы.

Вот почему мы организовали в зоопарке целый симпозиум, в ходе которого специалисты в области здравоохранения и социологии могли поучиться у приматологов. Я, будучи приматологом, тоже узнал из кулуарных бесед кое-что новое для себя. Мы говорили о морали и нравственности и о том, откуда они берутся и на чем основаны. Если мораль не дана нам свыше, то кто или что порождает ее? Кто-то из коллег заметил, что в последние десятилетия голландцы охладели к религии и общество стало в значительной степени светским; в связи с этим обостряется проблема правомочности морали. Никто сегодня не имеет права публично одернуть собрата и наставить его на путь истинный – а в результате общество стало менее цивилизованным. При этих словах многие слушатели закивали в знак согласия. Что это, просто разочарованное брюзжание стариков, всегда готовых жаловаться на молодое поколение? Или здесь есть какая-то закономерность? Секуляризация наблюдается по всей Европе, но морально-этические следствия этого процесса пока поняты плохо. Даже немецкий политический философ Юрген Хабермас^[7], атеист и марксист до мозга костей, пришел к выводу, что утрата религии, возможно, не совсем выигрышна. Он заявил: «Когда грех стал виной, мы что-то утратили».

Я, однако, не убежден, что мораль непременно должна даваться свыше. Неужели она не может быть делом внутренним? Так наверняка и есть в отношении чувства сострадания, а может быть, и в отношении чувства справедливости. Несколько лет назад мы провели эксперимент: приматы с удовольствием выполняли задания ученых за кусочки огурца, пока не увидели, что другие получают виноград, который гораздо вкуснее. Обезьяны, получавшие в награду огурцы, пришли в возбуждение, побросали свои овощи и устроили забастовку. Очень приличная еда стала для них негодной только потому, что кто-то из собратьев получал кое-что получше. Мы назвали это качество «неприятием неравенства»; позже данную тему исследовали на других животных, включая собак. Так, собака готова повторять одно и то же действие без всякого вознаграждения, но отказывается делать это, как только увидит, что другая собака получает за то же действие кусочек колбаски.

Эти открытия приложимы и к человеческой нравственности. По мнению большинства философов, человек сам убеждает себя в моральных истинах. Даже если философ при этом не ссылается на Бога, он все же предполагает, что процесс этот идет «сверху вниз»: сначала мы формулируем принципы нравственности, а затем применяем их в отношениях с ближними. Но действительно ли моральные намерения формируются на таком высоком уровне? Разве не должны они корениться в нашей глубинной сути, в том, что мы и кто мы? Разве реально было бы убедить человека заботиться о других, если бы ему не была изначально присуща естественная склонность к этому? Какой был бы смысл апеллировать к честности и справедливости, если бы у нас не было мощной инстинктивной реакции на их отсутствие? Представьте, какую когнитивную нагрузку нам бы приходилось нести, если бы каждое принимаемое решение нужно было проверять при помощи «спущенной сверху» логики. Я твердо верю в утверждение Дэвида Юма^[8] о том, что разум – раб страстей. Начинали мы с нравственных ощущений и интуиции, и именно в этом мы ближе всего к другим приматам. Человек не откапывал мораль, извлекая ее из рациональных рефлексий; напротив, он получил мощный толчок снизу, из своего неизбежного социально-животного прошлого.

В то же время я бы поостерегся называть шимпанзе «моральным существом». Дело в том, что одних чувств недостаточно. Мы стремимся к логически цельной и непротиворечивой системе и спорим о том, как смертная казнь согласуется с утверждениями о священности жизни, и может ли сексуальная ориентация, которую человек не выбирает, быть морально ущербной. Эти разногласия свойственны только человеку. Слишком мало свидетельств того, что другие животные хоть как-то оценивают действия, которые их непосредственно не затрагивают. Великий пионер исследований морали финский антрополог Эдвард Вестермарк объяснил это тем, что связанные с моралью человеческие эмоции не определяются сиюминутной ситуацией. Скорее они имеют дело с понятиями добра и зла на более абстрактном, беспристрастном уровне. Именно это отличает человеческую мораль от всех прочих: стремление к универсальным правилам и одновременно сложная система оправдания, наблюдения и наказания.

В этот момент, кстати говоря, в дело вступает и религия. Вспомните призывы к состраданию и милосердию: притчу о добром самаритянине или притчу о работниках в винограднике, которая представляет собой вызов нашему чувству справедливости и

завершается знаменитым «Последние будут первыми, а первые последними». Добавьте к этому почти скиннеровскую тягу к поощрению и наказанию^[9] – от девственниц, которым уготован рай, до адского пламени, ожидающего грешников, – и наше желание быть «достойными похвалы», как говорил Адам Смит. В самом деле, человек настолько чувствителен к общественному мнению, что иногда достаточно приклеить на стену картинку с изображением двух глаз, чтобы добиться от него хорошего поведения. Религия давно осознала это и всюду пользуется образом всевидящего ока как символом всеведущего Бога.

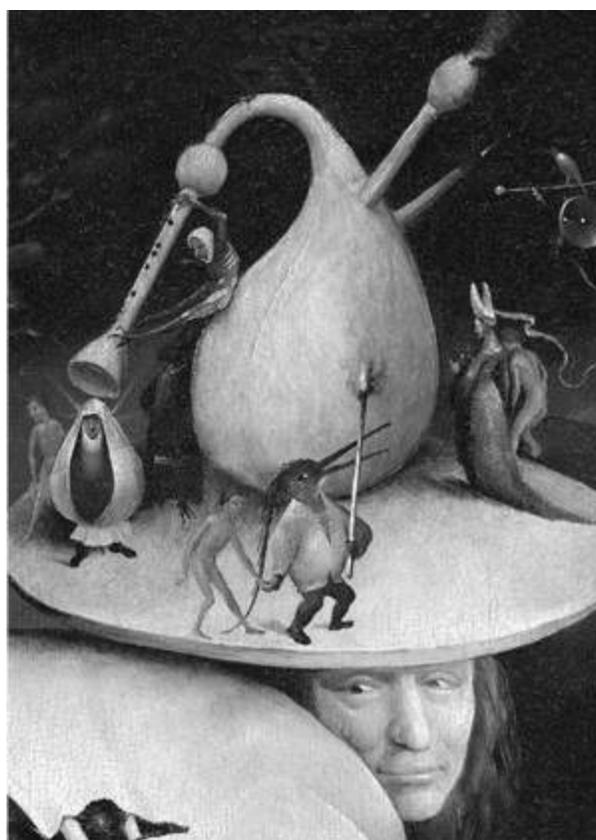
Однако даже и с такой скромной ролью религия предается анафеме некоторыми людьми. За последние несколько лет мы успели уже привыкнуть к рьяным атеистам, утверждающим, как Кристофер Хитченс, что Бог – не любовь, или, как Ричард Докинз^[10], что он и вовсе сродни галлюцинации. Неоатеисты называют себя «умниками», подразумевая таким образом, что все верующие глупее них. Если апостол Павел считал, что неверующие живут во тьме, то современные атеисты поменяли эту максиму на противоположную: одни лишь неверующие способны видеть свет. Призывая доверять лишь науке, они хотят вывести этику из натуралистического мировоззрения. Я разделяю их скепсис по поводу религиозных учреждений и их иерархов – священников, епископов, телепроповедников, аятолл и раввинов, – но к чему хорошему могут привести оскорбления, адресованные огромному множеству людей, которые ценят религию? И, что еще более важно, какую, собственно, альтернативу может предложить наука? Не дело науки разъяснять смысл жизни и объяснять нам, как нужно жить, – тем более не ее задача. Британский философ Джон Грей^[11] сформулировал это так: «...наука – не колдовство. Рост знаний расширяет человеческие возможности. Но человеческую природу знания не могут отменить». Мы, ученые, хорошо умеем разбираться в том, почему разные вещи в окружающем мире именно такие, какие они есть, или в том, как они работают. Я верю, что биология помогает нам понять, почему нравственность такова, какова она есть. Но от этого понимания до советов нравственного характера – дистанция огромного размера.

Даже самый стойкий атеист, воспитанный в западном обществе, не может не впитать базовые установки христианства. Жители все более светской Северной Европы, чью культуру я воспринял в первую очередь, считают свое мировоззрение в значительной мере христианским. Надо сказать, что достижения человечества в любой области – от архитектуры до музыки, от искусства до науки – всегда развивались рука об руку с религией и никогда по отдельности. Поэтому невозможно сказать, как выглядела бы человеческая этика без религии. Чтобы понять это, необходимо познакомиться с какой-нибудь человеческой культурой, которая не только нерелигиозна в настоящее время, но и никогда не была религиозной. Тот факт, что подобных культур не существует, заставляет задуматься.

Босх бился над той же проблемой. Речь шла, конечно, не об атеизме – в то время такой вариант был немислим и попросту не существовал, – а скорее о месте науки в обществе. Маленькие фигурки с перевернутыми воронками на головах, здания вдалеке в форме перегонных кубов и печей – явная отсылка к какому-то химическому оборудованию. Как бы мы ни относились к науке сегодня, полезно помнить, что у истоков своих наука – не слишком рациональное предприятие. В эпоху Босха алхимия, делавшая немалые успехи, была неразрывно связана с оккультизмом, а среди алхимиков полно сумасшедших и шарлатанов, которых художник с большим юмором изобразил вместе с их легковерной аудиторией. Лишь позже, освободившись от подобных влияний и разработав механизмы самокоррекции, алхимия стала эмпирической наукой. Но какой вклад может наука внести в общественную

нравственность, еще долго оставалось неясным.

У других приматов, разумеется, подобных проблем нет, но и они пытаются сформировать общество похожего типа. В их поведении несложно различить стремление к тем самым ценностям, которые свойственны и нам. К примеру, известны случаи, когда самки шимпанзе буквально тащили упирающихся самцов навстречу друг другу, чтобы примирить их после ожесточенной схватки, и одновременно вырывали оружие из их лап. Более того, высокоранговые самцы регулярно выступают в роли беспристрастных арбитров, разрешая споры в сообществе. Для меня эти намеки на заботу об общественных интересах служат знаком того, что строительные кирпичики нравственности старше человечества, и что необязательно привлекать Бога, чтобы объяснить, как человек оказался там, где оказался. С другой стороны, что произошло бы с обществом, если бы мы полностью исключили религию? Откровенно говоря, трудно представить, как наука и натуралистическое мировоззрение могли бы заполнить образовавшуюся пустоту и вдохновить человека на добро.

Картины Босха изобилуют ссылками на алхимию, мистическую предшественницу химии. Самая узнаваемая фигура «Сада земных наслаждений» – иногда ее называют «человек-дерево-яйцо» – несет на голове карусель с дымящимся сооружением, напоминающим волынку. Сосуды подобной формы часто использовались в алхимии

Во время обратного перелета после недельной трансатлантической экскурсии я нашел наконец время прочитать накопившиеся в моем блоге «Мораль без Бога?» почти семь сотен комментариев. В большинстве своем записи оказались конструктивными и одобрительными; читатели соглашались со мной: там, где речь идет о происхождении морали, можно допустить, помимо черного и белого, еще и множество оттенков серого. Но атеисты не могли устоять перед соблазном и обойтись без нападок на религию, что противоречило моим намерениям. Для меня разобраться, в чем заключается насущность религии, гораздо важнее,

чем критиковать нее. Центральный вопрос атеизма – а именно тезис о существовании или несуществовании Бога – представляется мне абсолютно неинтересным. Какой смысл вести горячие споры о существовании того, чего никто не может ни доказать, ни опровергнуть? В 2012 г. Алан де Боттон^[12] заставил встать на дыбы обе дискутирующие стороны. Он начал свою книгу «Религия для атеистов» (*Religion for Atheists*) следующим посылом: «Самый скучный и неконструктивный вопрос, который можно задать относительно любой религии, это вопрос о том, верна ли она – в смысле, была ли она торжественно ниспослана человеку небесными силами под звуки фанфар». Тем не менее для некоторых этот вопрос остается самым главным и даже единственным. Как мы дошли до подобного скудоумия? Мы как будто вступили в дискуссионный клуб, где все, что можно сделать, – это только выиграть или проиграть.

Наука не может ответить на все вопросы. Еще студентом я узнал о так называемом «натуралистическом заблуждении» и о том, что со стороны ученых верх высокомерия считать, что их труды могут определить разницу между «хорошо» и «плохо». Имейте в виду, что было это вскоре после Второй мировой войны, которая принесла всем нам громадное зло, оправдываемое научной теорией самоуправляемой эволюции. Ученые, проводившие чудовищные эксперименты, были не последними винтиками в страшном механизме геноцида. Детей сшивали, пытаясь искусственно получить сиамских близнецов; живых людей оперировали без анестезии; конечности и глаза хирургическим путем переносили в другие места человеческого тела. Мне никогда не забыть те темные послевоенные годы, когда всякий ученый, говоривший с немецким акцентом, вызывал подозрения. Однако британских и американских ученых тоже нельзя считать абсолютно непричастными к злодеяниям, ведь именно они в начале века познакомили нас с евгеникой. Они защищали расистские иммиграционные законы и насильственную стерилизацию глухих, слепых, душевнобольных, людей с физическими недостатками, а также преступников и представителей национальных меньшинств. Такие операции втайне проводились над людьми, попавшими в больницу по совершенно иным поводам. Тем, кто не хочет винить в этой омерзительной истории ученых и предпочитает говорить о псевдонауке, можно напомнить, что в то время евгеника считалась серьезной академической дисциплиной и изучалась во многих университетах. К 1930 г. институты евгеники существовали в Англии, Швеции, Швейцарии, России, Америке, Германии и Норвегии. Видные фигуры, включая и американских президентов, поддерживали эту теорию. Отец-основатель евгеники британский антрополог и всесторонне образованный человек сэр Фрэнсис Гальтон^[13] стал членом Королевского общества и был удостоен рыцарского звания уже после того, как поддержал идею об искусственном улучшении человеческой расы. Заметим: Гальтон считал, что средний гражданин «слишком неразвит для каждодневной работы в условиях современной цивилизации».

Чтобы вскрыть и продемонстрировать всем моральную несостоятельность подобных идей, понадобился Адольф Гитлер со своими приспешниками. Неизбежным результатом всего этого стало резкое падение веры в науку, особенно в биологию. Даже в 1970-е гг. биологов нередко приравнивали к фашистам, например в период бурного общественного протеста против так называемой «социобиологии». Я сам биолог и потому очень рад тому, что дни враждебности миновали; в то же время меня поражает, что кто-то может так прочно забыть прошлое и объявить науку спасителем нравственности. Как сумели мы перейти от глубокого недоверия к наивному оптимизму? Я, конечно, приветствую появление науки о

морали – моя собственная работа тоже относится к этой области, – но никак не могу понять людей, призывающих науку *определить* человеческие ценности, как это явствует из подзаголовка книги Сэма Харриса^[14] «Нравственный пейзаж: Как наука определяет человеческие ценности» (The Moral Landscape: How Science Can Determine Human Values). Так ли далеко в прошлое ушла псевдонаука? Или современные ученые свободны от нравственных ошибок? Вспомните исследование сифилиса в городке Таскиги (штат Алабама) всего лишь несколько десятилетий назад^[15]; или нынешнее участие врачей в пытках заключенных тюрьмы Гуантанамо. Я глубоко скептически отношусь к нравственной чистоте науки и считаю, что ее роль не должна выходить за рамки обязанностей служанки морали.

Мне кажется, путаница в этом вопросе уходит своими корнями в иллюзорное представление, что для построения хорошего общества человечество нуждается только в знаниях. Стоит нам только разобраться в главном алгоритме морали, считают приверженцы этой точки зрения, и мы сможем спокойно передать бразды правления науке. Наука в любых обстоятельствах гарантирует нам наилучший выбор. Все это немного напоминает мнения того рода, что знаменитый художественный критик обязательно и сам должен быть великим художником, а ценитель хорошей пищи – прекрасным поваром. Как же иначе – ведь критики высказывают глубокие суждения о творениях других людей! Они обладают нужными знаниями, так почему не позволить им самим взяться за дело? Однако задача критика – оценка и анализ уже готовых произведений задним числом, а не их создание. Творчество невозможно без интуиции, мастерства и образного мышления. Даже если наука сможет помочь нам разобраться в том, как функционирует мораль, это не означает, что она станет нравственным лидером; точно так же смешно было бы ожидать, чтобы тот, кто знает вкус яйца, сам такое яйцо снес.

Взгляд на мораль как на набор незыблемых принципов или законов, которые нам надлежит открыть, берет начало в религии. На самом деле совершенно не важно, кто именно формулирует эти законы: Бог, человеческий разум или наука. Все подобные подходы ориентированы одинаково – «сверху вниз»; их главная посылка состоит в том, что человек не знает, как нужно себя вести, и кто-то непременно должен ему об этом сказать. Но что если мораль создается в ходе повседневных социальных взаимодействий, а не на каком-то абстрактном ментальном уровне? Что если она коренится в эмоциях, которые в большинстве случаев не поддаются аккуратной классификации, столь любимой наукой? Поскольку основной посыл моей книги – защита подхода «снизу вверх», то я, очевидно, еще не раз вернусь к этому вопросу. Моя точка зрения хорошо согласуется с тем, что нам известно о работе человеческого сознания, где интуитивные реакции возникают раньше осознанных рассуждений, и о том, как эволюция формирует поведение. Хорошей исходной точкой для изложения моих идей станет признание, что в основе мы все – общественные животные, и рассуждения о том, как эта основа преформирует наши поступки. Такой подход, безусловно, заслуживает внимания, особенно в наше время, когда даже откровенные атеисты не могут, как теленок от материнского вымени, оторваться от полурелигиозной морали и считают, что мир стал бы лучше, если бы место священника в рясе занял точно такой же «священник» в лабораторном халате.

Глава 2

Как объяснить доброту

Общественный инстинкт заставляет животное получать удовольствие в обществе себе подобных, чувствовать к ним определенную симпатию и оказывать им различные услуги.

Чарльз Дарвин

Амос был одним из самых симпатичных самцов, которых мне довелось знать. За исключением, может быть, того случая, когда он умудрился засунуть в рот два яблока целиком, и тогда я лишний раз напомнил себе, что шимпанзе способны на нечеловеческие вещи. У Амоса были большие глаза на дружелюбной симметричной морде, густая блестящая черная шерсть и хорошо развитые мускулы на руках и ногах. Он никогда не был излишне агрессивным, как случается с некоторыми самцами; просто в лучшие свои времена он был в высшей степени уверен в себе. Его обожали. Некоторые из нас плакали, когда он умер, а его сородичи несколько дней хранили испуганное молчание. У них даже пропал аппетит.

В то время мы не знали, отчего он умер, но вскрытие показало, что помимо невероятно увеличенной печени, занимавшей большую часть брюшной полости, у Амоса было несколько выраженных раковых образований. За последний год он потерял 15 % своего веса. Его состояние, должно быть, постепенно ухудшалось в течение нескольких лет, но он вел себя нормально до самого конца, пока тело попросту не отказалось ему служить. Амос, должно быть, уже несколько месяцев чувствовал себя ужасно, но любое проявление слабости означало бы для него потерю статуса. Судя по всему, шимпанзе это понимают. Однажды ученым довелось наблюдать в дикой природе, как один охромевший самец несколько недель держался отдельно от остальных, стараясь залечить свои раны; время от времени, однако, он показывался в стае и устраивал перед всеми желающими убедительную демонстрацию силы и энергии – а затем вновь исчезал. Таким образом, никто в стае ни о чем не догадывался.

Амос ничем не выдавал своего состояния до кануна своей смерти. В тот день мы обнаружили его сидящим на джутовом мешке в одной из ночных клеток, в то время как остальные шимпанзе резвились на открытом воздухе; он, как загнанный, глотал воздух с частотой 60 вдохов в минуту, по морде его катился пот. Амос отказался выходить из клетки, поэтому мы изолировали его от сородичей вплоть до осмотра ветеринара. Остальные шимпанзе, однако, то и дело заглядывали внутрь, чтобы поведать его, и мы оставили дверь, за которой сидел Амос, приоткрытой, чтобы не прерывать контакт. Амос уселся прямо за приоткрытой дверью, а одна из самок по имени Дейзи осторожно взяла его голову и стала чесывать чувствительные места за ушами. Затем она принялась таскать ему целыми охапками мягкую древесную стружку, из которой шимпанзе обожают строить гнезда. Они аккуратно раскладывают ее вокруг себя и спят на ней. После того как Дейзи принесла свой дар, мы видели, как еще один самец сделал то же самое. Поскольку Амос сидел спиной к стене и стружкой почти не занимался, Дейзи несколько раз залезала поглубже и сама напихивала стружки между его спиной и стенкой.

Это замечательный случай! Похоже, Дейзи понимала, что Амос чувствует себя нехорошо и что ему удобнее было бы опираться спиной на что-нибудь мягкое, – точно так же мы

поправляем подушки в постели больного. Вероятно, Дейзи представила, как сама чувствовала бы себя в подобной ситуации, со стружкой и без, и экстраполировала свои ощущения на Амоса. Вообще, Дейзи была известна у нас как «маньячка по части стружки» (вместо того чтобы делиться стружкой, она обычно заграбастывала себе всю кучу). Я убежден, что человекообразные обезьяны воспринимают и учитывают состояние окружающих, особенно когда речь идет о друзьях в беде. Правда, когда такие способности проверяют в лаборатории, этот тезис подтверждается не всегда. Однако следует учесть, что в подобных исследованиях приматов, как правило, просят отреагировать на поведение *людей* в какой-то искусственной ситуации. Я уже упоминал об антропоцентризме нашей науки. В таких же опытах с участием приматов шимпанзе справляются с заданием значительно лучше, а в дикой природе их всегда заботит, о чем думают их сородичи. Поэтому не стоит удивляться поведению Дейзи, она, судя по всему, поняла состояние Амоса.

На следующий день Амоса усыпили. У него не было никаких шансов на выживание, впереди его ждала только боль. Этот инцидент проиллюстрировал две противоположные особенности общественной жизни приматов. С одной стороны, приматы живут в жестоком мире, где самец вынужден как можно дольше скрывать свое физическое недомогание и «сохранять лицо» перед сородичами. Но, с другой стороны, все они – часть тесного сообщества, в котором всегда можно рассчитывать на сочувствие и помощь ближних, в том числе и неродственников. Подобную неоднозначность, даже двойственность, трудно понять до конца. Популяризаторы науки, как правило, предпочитают упрощать ситуацию и описывать жизнь шимпанзе либо в гоббсовском ключе^[16], как мерзкую и грубую, либо идеализируя их дружелюбие. На самом же деле жизнь шимпанзе – не то и не другое, это всегда и то и другое вместе. Меня нередко спрашивают, как можно приписывать шимпанзе способность к эмпатии, если известно, что иногда они убивают сородичей. Я отвечаю вопросом на вопрос: не следует ли нам из тех же соображений отказаться от человеческой эмпатии?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Кристофер Хитченс (1949–2011) – американский журналист и литератор английского происхождения, либерал, атеист и антиклерикал. Самая известная его книга – «Бог не любовь. Как религия все отравляет» (God is not Great: How Religion Poisons Everything) Хитченс К. Бог не любовь. – М.: Альпина нон-фикшн, 2012). (Здесь и далее сноски, – примечания редактора.)

Чаще всего слова Ивана передают так: «Если Бога нет, то всё позволено!»

Если даже «современными религиями» называть только мировые религии, то следует иметь в виду, что буддизм, например, возник в VI–V вв. до н. э., а иудаизм – в VII в. до н. э.

Длинный шарф, один из буддистских символов чистоты, гостеприимства, дружбы, сострадания.

Основная фраза из скетчей британского юмористического телешоу «Летающий цирк Монти Пайтона» «Испанская инквизиция». В англоязычных странах стала крылатым выражением.

Карликовые шимпанзе.

Юрген Хабермас (р. 1929) – немецкий философ, крупный представитель Франкфуртской школы.

Дэвид (Давид) Юм (1711–1776) – шотландский философ, историк, сенсуалист.

Б. Скиннер (1904–1990) – американский психолог-бихевиорист.

Клинтон Ричард Докинз (р. 1941) – известный английский этолог, эволюционист, атеист. В своей книге «Бог как иллюзия» (The God Delusion, 2006, на русском языке впервые опубликована в 2010 г.) утверждал, что вероятность существования сверхъестественного ничтожно мала, а религия – это иллюзия.

Джон Николас Грей (р. 1948) – английский философ, предметами исследования которого являются политическая и аналитическая философия, история идей, в том числе моральных и религиозных.

Ален де Боттон (р. 1969) – известный британский писатель, философ и журналист швейцарского происхождения. Называет себя «мягким атеистом», т. е. в Бога не верит, но признает общественную полезность религии.

Сэр Фрэнсис Гальтон (1822–1911) – английский антрополог, психолог, двоюродный брат Чарльза Дарвина. Ввел в употребление термин «евгеника».

Сэм Харрис (р. 1967) – американский публицист, пишущий на темы философии религии, нейробиологии и атеизма.

Исследование сифилиса в г. Таскиги (1932–1972) – циничный эксперимент американской Службы здравоохранения, в ходе которого участникам – представителям афроамериканской бедноты не только не оказывали помощь, но и препятствовали в получении лечения пенициллином.

Томас Гоббс (1588–1679) – английский философ-материалист, сторонник теории «общественного договора».

Или Хертогенбосе, как его еще называют, известен с XII в. как областной центр на юге Нидерландов. Во времена Босха (ок. 1450–1516) Хертогенбос был вторым по величине (после Утрехта) городом страны.

Аргументируя свое мнение о том, что ученым следует обратить внимание на шимпанзе, а не на бонобо, Мелвин Коннер писал: «Так или иначе, шимпанзе устроены гораздо надежнее, нежели бонобо, которые в настоящий момент близки к вымиранию».

Гоминины – новое наименование группы человека и его двуногих предков, группа, выделенная из более обширной группы гоминид.